

◆ АКТЕРЫ И РОЛИ

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Три встречи с народным артистом СССР И. Ильинским

дой — Аркадий точно несет явный заряд «сервантесовского духа». И именно они, эти качества, а не отсутствие большого таланта, как такового, выбросили когда-то Аркашку за стены театра, которому отдана вся не очень складная и не очень красивая жизнь. Да и кому, на самом деле, нужны добрые начала в покоем на дремучий сыр-бор мире Гурмыжских, где богатые, похотливые старухи выходят замуж за гимназистов, где бедные девушки кидаются в омут от тоски и унижения, а степень «уважительного» отношения к людям находится в прямой зависимости от толщины кошелька!...

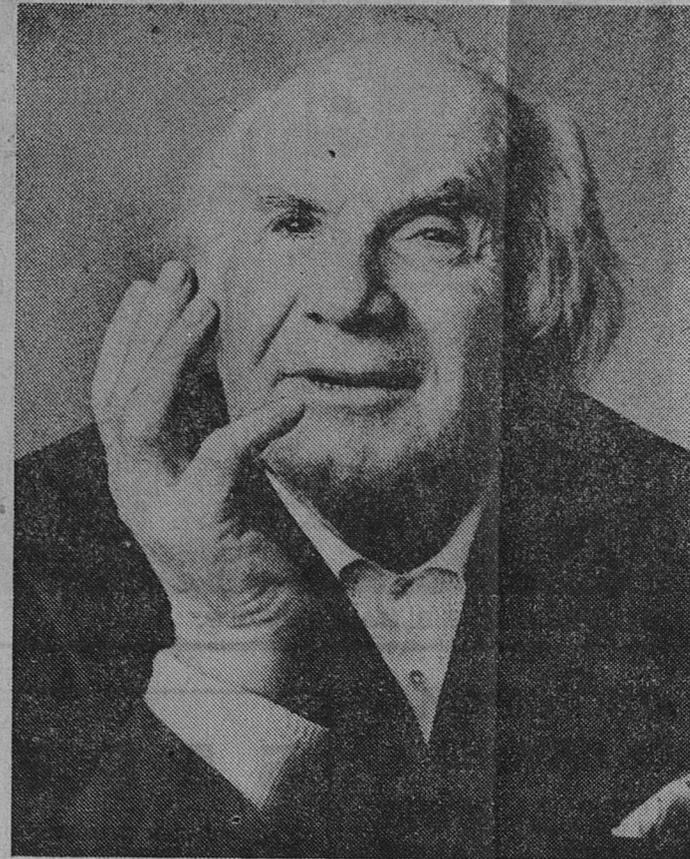
На этот, как говорят в таких случаях, подтекст, второй план роли Ильинский обрабатывает самое пристальное внимание. Мастер острого, броского комедийного рисунка, он не боится иной раз приглушить краски, лишь бы не нарушить единства, гармонии трагического и комического в образе. Отсюда, думается, в роли и спектакле присутствуют те чуть «растянутые» ритмы, которые, сознательно замедляя действие, позволяют зрителям легче настроиться на волну сопереживания с актером, событиями пьесы.

...Когда закончилась встреча с героями Островского, я узнал о том, что Ильинский завтра будет продолжать работу над постановкой чеховского «Вишневого сада». Завидная творческая активность и неуемность.

Л. МАКОВКИН.

На снимке: народный артист СССР, Герой Социалистического Труда И. В. ИЛЬИНСКИЙ.

Фото Ю. Подкидышева.

сошедшим с ума человеком?

Так нравственный мир Толстого становится своего рода эмоциональным барометром, в общем-то достаточно точно показывающим неблагоприятные моральной, а за нею и социальной атмосферы жизни, где нет места непреходящим идеалам равенства, братства, справедливости. И уже нетрудно догадаться, почувствовать, ощутить неизбежность близких, неминуемых, «очистительных», как назвал их Чехов, бурь...

Сходные, хотя и иначе высказанные мысли, рождает вторая и третья увиденная в дни гастролей Малого театра в Свердловске встреча с Ильинским. Я говорю вторая и третья, потому что Ильинский в «Лесе» Островского предстает перед нами и как исполнитель роли Аркадия Счастливецова, и как режиссер-постановщик этой философски глубокой комедии великого русского драматурга.

Как-то, перелистывая одну из книг о творчестве Островского, я обратил внимание на, казалось бы, неожиданное сравнение «Леса», точнее — двух его центральных персонажей, с бессмертными героями Сервантеса. И впрямь, в фигурах странствующих актеров русского провинциального театра есть нечто от Дон-Кихота с его верным оруженосцем.

Не скажу, что во всех звеньях спектакля, поставленного Ильинским, найден и выдер-

жде всего и пьеса Друцэ. А вслед за ней и спектакль Раженских. И образ, созданный Ильинским.

Когда мы впервые встречаемся на сцене с коренастым, широкоплечим, одетым в аккуратную черную «толстовку» и грубоватые сапоги с высокими голенищами хозяином Ясной Поляны, обилие черного цвета не может не оттенить седины волос и горящих возбуждением прищуренных глаз. Они — как искры негасимого внутреннего огня, вспыхивающие с новой и новой силой при каждом недобром слове или поступке окружающих. И чем чаще — сознательно или ненамерком — ранят умудренного годами старика-Толстого жена, дети, друзья и недруги, тем отчетливее, через его негодование, страдание, обиду, боль раскрывается сложный и цельный мир писателя и человека. Личности, не только искренне исповедующей высокие нравственные принципы, но и неотступно следующей им в большом и малом.

Оттого-то столь мучительны и трагедийны внутренние муки, когда обстоятельства принуждают хоть в чем-то пойти на компромисс... Не в этом ли объяснение тех неожиданных эмоциональных срывов, той упрямой, суровой, подчас в чем-то даже жестокой нетерпимости героя Ильинского к родным, пытающимся в своих корыстных интересах объявить его — глубоко ненавидящего лицемерие и зло —

пьесы И. Друцэ о Льве Толстом, к плюсам и минусам ее постановки в Малом театре, режиссерское решение Б. Раженских поручить главную роль Ильинскому уже в основе своей заслуживает больше, чем благодарного признания. И тот, кому в дни коротких гастролей в Свердловске Малого театра посчастливилось увидеть «Возвращение на круги своя», охотно согласится с этим. Спектакль заставил пережить драгоценные минуты сопричастности с творческим горением, истинным и глубоким.

А, впрочем, могло ли быть иначе? Если вспомнить, как Ильинский читает «Историю Карла Ивановича» из «Отрочества», если перечитать все, что писала в свое время критика о созданном им во «Власти тьмы» образе не очень складного на язык крестьянина Акима, который тем не менее был «рупором» очень важных для Толстого моральных истин, — отыщется и в этой чрезвычайно важной для актера работе истинки, заранее предвещавшие успех. Ибо не раз уже Ильинский доказывал, что способен остро чувствовать и тонко передавать мельчайшие переживания толстовских героев. И что еще важнее — уже тогда он открыл для себя тот порог повышенных авторских реакций на добро и зло, который и сейчас столь удивителен в Толстом.

Собственно, об этом пре-

Вот уже сколько лет не стирается из памяти теперь уже далекий концерт в переполненном зале Свердловской филармонии, когда Ильинский читал «Старосветских помещиков». Стояла такая тишина, что было слышно, как сквозь толстые стены прорывается едва слышимый гул моторов от проезжавших где-то там, по улице, автомобилей. Но на это, конечно же, никто не обращал внимания. Голос актера владел всеми. Ильинский, как художник красками, живописал словом смешную и грустную историю гоголевских героев, добрых и любящих, и потому заставляющих своей нелепой судьбой до боли, до слез ощутить беспощадное и горькое авторское — «скучно на этом свете, господа!», которыми пронизаны все миргородские повести.

Признаюсь, после того концерта долго думалось о том, что счастливая творческая судьба Ильинского все-таки не всегда была к нему справедлива. Талантливейший комедийный актер, он природной яркостью своего таланта был как бы «обречен» на роли веселые, озорные, сатирические. Даже очень крупные режиссеры театра и кино, будто сговорившись, упорно «забывали» о многих и многих примерах, когда именно мастерам комедии было дано подняться на истинные высоты трагического.

В этом смысле, как бы мы ни относились к частностям